

На правах рукописи

КАВЕРИНА Валерия Витальевна

**СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ В XVII – XIX ВВ. :
ПРАВОПИСНЫЙ УЗУС И КОДИФИКАЦИЯ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Москва – 2010

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета
ФГОУ ВПО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»

- Научный консультант: доктор филологических наук профессор
Виктор Маркович Живов
- Официальные оппоненты: доктор филологических наук профессор
Лев Феодосьевич Копосов,
зав. кафедрой истории русского
языка и общего языкознания, декан
факультета русской филологии ГОУ ВПО «Мо-
сковский государственный областной универ-
ситет»
- доктор филологических наук профессор
Борис Иванович Осипов,
зав. кафедрой исторического языкознания
ГОУ ВПО «Омский государственный
университет им. Ф.М. Достоевского»
- доктор филологических наук
Александр Петрович Майоров,
доцент кафедры общего и
исторического языкознания
филологического факультета ГОУ ВПО
«Бурятский государственный
университет»
- Ведущая организация: ФГОУ ВПО «Санкт-Петербургский
государственный университет»

Защита состоится «25» мая 2010 г. на заседании диссертационного совета Д
002.008.01 при Учреждении Российской академии наук «Институт русского язы-
ка имени В.В. Виноградова РАН» по адресу: 119019, Москва, ул. Волхонка,
18/2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Учреждения Российской академии
наук «Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН».

Автореферат разослан «23» апреля 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Б.Л. Иомдин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее исследование посвящено русскому письму в его историческом развитии. В нашей работе мы исходим из того, что изучение орфографии не только является начальным и необходимым этапом лингвистического исследования, но может рассматриваться и как самостоятельная проблема истории языка, то есть придерживаемся точки зрения на исследование русского письменного наследия Г.О. Винокура, который отмечал: «Орфография обычно изучается историками языка, чтобы этим путем разгадать строй звуковой речи. Между тем орфография может и должна изучаться не только как ключ к фонетике, но также и как самодовлеющее явление языка среди прочих его явлений – фонетики, морфологии, синтаксиса и т.д. Эта дисциплина должна изучать орфографические факты в их взаимной соотносительности со стороны образуемой ими системы, как она вообще обнаруживается в фактах истории языка»¹.

Задача исследования не только заключается в более полном теоретическом познании и систематизации орфографических явлений, но и отвечает потребностям практики языкового строительства в научно обоснованных рекомендациях по совершенствованию современного правописания, состояние которого вызывает серьезное беспокойство ученых. «В последнее десятилетие наблюдается повышение интереса к вопросам нормы, обусловленное сложившейся у нас языковой ситуацией. Она характеризуется пренебрежительным (если не сказать презрительным) отношением к норме. И это отношение только усилилось в связи с бурной реакцией на проект новой редакции правил, а также спровоцированным этой реакцией спорами о том, кем и как должны решаться вопросы коррекции правописания. То, что норма по сути игнорируется, означает размывание границ литературного языка, разрушение культуры. Письмо вне нормы вообще невысказуемо. Поэтому вновь становится актуальным казался бы решенный вопрос о соотношении нормативного и объективного подхода к языку», – с тревогой оценивает сложившуюся ситуацию С.М. Кузьмина в коллективной

¹ Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М. : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1959. – С. 463.

монографии Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН «Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков»². Неоднозначное отношение ученых к проблеме нормализации вариативных написаний в наше время приводит и к критике «орфографического режима»³, и к предложениям «об умягчении нравов русской орфографии»⁴. Однако никто не отрицает необходимости «урегулировать» нестабильные участки орфографической системы (например, правила слитного и дефисного написания частей сложных слов) в ситуации, когда «практика пишущих вошла в заметное противоречие с существующими правилами», – правилами, которые «попросту не работают»⁵.

Трудно не согласиться с тем, что «любая попытка внести изменения в орфографию встречает ожесточенное сопротивление общества, которое предпочитает пусть нелогичное, но привычное написание», что «неприятие даже малейших орфографических изменений в большой степени связано с непониманием взаимоотношений между языком и письмом, с неправомерным отождествлением этих понятий», что единственный путь преодоления этого сопротивления – «просвещение» общества, повышение его языковой и лингвистической культуры»⁶. Для решения данных задач представляется необходимым создание «общей теории орфографических реформ»⁷. Учитывая же то, что письмо развивается непрерывно, нельзя сводить его диахроническое описание к истории реформ. Вернее здесь было бы вести речь о дальнейшей «разработке теории эво-

² Кузьмина С.М. Активные процессы в области русского письма // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX – XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М. : Языки славянских культур, 2008. – С. 412.

³ Григорьева Т.М. Три века русской орфографии (XVIII – XX вв.). – М. : Эллис, 2004. – С. 224.

⁴ Кузьмина С.М. Об умягчении нравов русской орфографии (к проблеме вариативности написаний) // Жизнь языка: Сб. статей к 80-летию М.В. Панова. – М. : Языки славянских культур, 2001. – С. 406.

⁵ Осипов Б.И. Уроки русских орфографических реформ // Фонетика и письмо как непрерывно развивающиеся явления: Сборник научных трудов / Отв. ред. Б.И. Осипов. – Омск : Омск. гос. ун-т, 2007. – С. 18.

⁶ Кузьмина С.М. История и уроки кодификации русской орфографии в XX веке // Русский язык в научном освещении. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – № 2 (6). – С. 189.

⁷ Осипов Б.И. Актуальные проблемы теории и истории письма // Письменная культура России: Материалы Всероссийской научной конференции 19 – 21 ноября 2008 г. / Под ред. Б.И. Осипова. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2008. – С. 19.

люции орфографии»⁸, а также говорить об «эволюции реальной (узуальной) нормы письма в памятниках разных жанров, разных эпох, разных писцовых школ, а в более поздний период – разных издательских центров. То, что сделано в этой области, пока что совершенно недостаточно и дает лишь самые общие контуры развития письменных норм»⁹. Все приведенные аргументы обусловили **актуальность** настоящего исследования.

Под “нормой” вслед за Н.Н. Семенюк мы понимаем «совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций элементов языковой структуры, отобранных и закрепленных общественной языковой практикой»¹⁰. Как известно, объем понятия “норма” неодинаков в разные исторические периоды развития языка. В орфографии современных литературных языков отчетливо проявляется тенденция к предельному ограничению вариантности, тогда как в донациональный и ранний национальный периоды допускается довольно широкое варьирование языковых средств. Но даже в таких случаях, как отмечал Л.В. Щерба и вслед за ним многие другие исследователи, следует говорить не об отсутствии нормы, а лишь о ее весьма широких рамках¹¹.

Считаем важным отграничить понятие “объективной нормы” как явления внутриязыкового от явлений, связанных с “кодификацией”, то есть в определенном смысле внешних по отношению к языку. В отличие от нормы, кодификация является результатом научного познания закономерностей проявления нормы на определенном этапе развития языка, причем кодификация норм, то есть их сознательный отбор и закрепление, является специфическим признаком национального литературного языка. Таким образом, говоря об орфографической норме в период, предшествующий появлению грамматик русского языка,

⁸ Кузьмина С.М. История и уроки кодификации русской орфографии в XX веке // Русский язык в научном освещении. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – № 2 (6). – С. 189.

⁹ Осипов Б.И. Актуальные проблемы теории и истории письма // Письменная культура России: Материалы Всероссийской научной конференции 19 – 21 ноября 2008 г. / Под ред. Б.И. Осипова. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2008. – С. 19.

¹⁰ Семенюк Н.Н. Норма // Общее языкознание. – М. : Наука, 1970. – С. 555.

¹¹ Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. – М. : Просвещение, 1960. – С. 312.

мы имеем в виду не правила, кодифицированные грамматическими сочинениями, а общественно осознанный и узаконенный практикой отбор языковых средств, то есть так называемый “орфографический узус”. Важно, что и во времена широкого распространения различных грамматик, а впоследствии и особых сводов орфографических правил, орфографический узус существует параллельно с кодифицированной нормой и в некоторые периоды оказывается даже устойчивее и авторитетнее этой нормы. В настоящем исследовании проведен анализ соотношения узуса и кодифицированной нормы на всех этапах их сосуществования.

Целью работы является установление главных факторов в процессе формирования русской орфографии на основе традиций книжного письма, книжно-го произношения и узуса деловой письменности донационального периода.

Цель исследования определяет конкретные **задачи** работы:

- 1) выявить подвижные (варьирующиеся) элементы орфографической системы;
- 2) установить основные орфографические варианты, а также правила их выбора;
- 3) вскрыть истоки вариативности и проследить, как она устранялась в процессе развития русского письма вплоть до современного его состояния;
- 4) показать пути оформления основных орфограмм русского письма, обобщив собственные наблюдения и данные исследований в области орфографии с начала русской письменности до наших дней;
- 5) выявленный узус соотнести с рекомендациями грамматических сочинений и сделать выводы о степени влияния данных рекомендаций на практику письма в разные периоды его развития.

В работе используются основные общенаучные **методы** наблюдения, сравнения и описания, направленные на обобщение полученных результатов, интерпретацию данных, их классификацию.

Научная новизна исследования заключается в том, что основные тенденции орфографического развития прослеживаются путем диахронического анализа отдельных орфограмм, в ходе которого установленный узус сопоставляется с рекомендациями грамматических сочинений с целью выявления ведущих факторов становления нормы. В работе впервые дано детальное описание эволюции орфографической системы русского языка, причем закономерности этой системы представлены на каждом этапе ее развития в форме, соотносимой с современными орфографическими правилами.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что в работе выясняются закономерности и тенденции развития русского письма начиная с древнейших сохранившихся памятников и кончая современным состоянием. Показано, что в определенные исторические периоды стихийное орфографическое нормирование шло вразрез с сознательной кодификаторской деятельностью грамматистов или значительно опережало ее. Результаты исследования могут лечь в основу как разработки «эволюции теории орфографии»¹², так и описания «эволюции реальной (узуальной) нормы письма»¹³.

Практическая ценность работы определяется тем, что ее материалы могут использоваться при создании общего курса истории русского языка, курса истории русского литературного языка, спецкурсов по истории письма, а также быть полезны языковедам для того, чтобы дифференцировать факты отражения на письме живой речи и чисто орфографические явления. Кроме того, данное в работе диахроническое описание основных орфограмм может быть учтено при создании научно обоснованных рекомендаций по дальнейшему совершенствованию современного правописания.

Основным **материалом** исследования послужили периодические издания XVIII–XIX вв. : «Ведомости» эпохи Петра I, «Санктпетербургские ведомости» и «Московские ведомости». Мы привлекли к анализу не только номера «Ведо-

¹² Кузьмина С.М. История и уроки кодификации русской орфографии в XX веке // Русский язык в научном освещении. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – № 2 (6). – С. 189.

¹³ Осипов Б.И. Актуальные проблемы теории и истории письма // Письменная культура России: Материалы Всероссийской научной конференции 19 – 21 ноября 2008 г. / Под ред. Б.И. Осипова. – Омск : Омск. гос. ун-т, 2008. – С. 19.

мостей» 1703–1719 гг., опубликованные А. Покровским в 1903–06 гг.¹⁴, но и более поздние, обнародованные недавно в сети Интернет¹⁵. Кроме того, было исследовано более 700 номеров «Санктпетербургских ведомостей» и «Московских ведомостей» XVIII–XIX вв. Выбор материала обусловлен тем, что письмо ведомостей представляет собой ценный источник сведений о формировании орфографической нормы. Газета играла огромную роль не только в культурной жизни страны, но и в оформлении норм нового русского литературного языка, в том числе и орфографии. Ведь это было единственное в то время периодическое печатное издание, представлявшее собой оригинальный, не скопированный с древнего образца текст, язык которого отражал борьбу противоречивых факторов – народно-разговорной стихии, узуса деловой письменности и книжной орфографической традиции. Поэтому «Ведомости» и пришедшие им на смену «Санктпетербургские ведомости» и «Московские ведомости» являются наиболее живым, динамичным и информативным материалом, позволяющим проследить пути формирования русского правописного узуса.

Выявленные закономерности сопоставляются с рекомендациями грамматических сочинений и орфографических сводов, актуальных в каждый отдельный период. Так, узус петровских «Ведомостей» соотнесен с нормами, изложенными в изданиях грамматики Мелетия Смотрицкого, остававшихся авторитетными и в начале XVIII столетия, а также в грамматических трудах Ф. Поликарпова, отразивших, по словам Е.Э. Бабаевой, «те принципы языковой практики, которые были выработаны им в процессе переводческой и справочной деятельности на Московском печатном дворе»¹⁶, где, в частности, Поликарпов руководил изданием «Ведомостей». К сопоставлению привлекаются также ско-

¹⁴ Вѣдомости времени Петра Великаго. В память двухсотлѣтія первой русской газеты. Вып. 1, 2. – М. : Синодальная Типографія, 1903 – 1906.

¹⁵ <http://orel.rsl.ru/projects/8.html>; <http://orel2.rsl.ru/petr/index.html>;
http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=last_update&cid=45.

¹⁶ *Поликарпов, Федор*. Технологія. Искусство грамматики / Издание и исследование *Е. Бабаевой*. – СПб. : ООО «ИНАПРЕСС», 2000. – С. 13.

рописные памятники московской деловой и бытовой письменности XVIII в., изданные Институтом русского языка¹⁷.

Узус «Санктпетербургских ведомостей» и «Московских ведомостей» соотносится с рекомендациями грамматических сочинений XVIII–XIX вв., описывающих норму русского, а не церковно-славянского письма. Важнейшей особенностью национального периода является деятельность по нормализации русского языка, активно развернувшаяся начиная с 30-х годов XVIII века. По словам М.В. Панова, «с середины XVIII в. начинает создаваться теория русского правописания. С этого времени нормы орфографии не только стихийно складываются и затем закрепляются в грамматиках, но и сознательно создаются и перестраиваются. Начинаются теоретические поиски наиболее рациональных принципов правописания»¹⁸. В работе рассмотрено, как соотносится выявленный нами узус с рекомендациями современных исследуемым текстам грамматических сочинений от Ломоносова до Грота. К исследованию привлечено более 40 грамматических трактатов и руководств по правописанию, наиболее значительные из которых: Российская грамматика *Антоня Алексеевича Барсова* / Подготовка текста и текстологический комментарий М.П. Тоболовой; под ред. и с предисловием Б.А. Успенского. – М. : Издательство Московского университета, 1981. – 776 с.; Третья часть Грамматики русскаго языка. Тетрадь VI. Орфографія. М., 1849. – 48 с. (*Будринь А.М.*); *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка. М., 1959. – 623 с.; Русская грамматика *Александра Востокова*, по начертанию его же сокращенной Грамматики полнѣе изложенная. – СПб. : Въ типографіи Императорской Россійской Академіи, 1835. – 383 с.; Практическая русская грамматика изданная Николаемъ *Гречемъ*. – СПб. : Въ типографіи Императорской Россійской Академіи, 1834. – 526 с.; Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ. Филологическое разысканіе *Я. Грота* // Филологические разыскания. – Т. 2. – СПб. : Типографія

¹⁷ ПМ XVIII – Памятники московской деловой письменности XVIII века / Изд. подгот. А.И. Сумкина; под ред. С.И. Коткова. – М. : Наука, 1981. – 320 с.

¹⁸ *Панов М.В.* Принципы русской графики и орфографии // Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии. – М. : Наука, 1965. – С. 15.

Императорской Академіи наукъ. – 1876; Русское правописание. Руководство, составленное по порученію Второго отдѣленія Императорской Академіи наук академикомъ *Я.К. Гротомъ*. – СПб. : Типографія Императорской Академіи наукъ, 1885. – 120 с.; Русское правописание. Руководство, составленное по порученію Второго отдѣленія Императорской Академіи наук академикомъ *Я.К. Гротомъ*. Девятое изданіе. – СПб. : Типографія Императорской Академіи наукъ, 1891. – 120 с.; Грамматика русскаго языка. Изданіе Второго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. – СПб. : Въ типографіи Императорской Россійской Академіи Наукъ, 1849 (*Давыдовъ И.*); Россійская грамматика, изданная В.К. – М., 1834 (*Княжевъ В.С.*); Россійская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословіе. – Издано во градѣ Святаго Петра, 1769. – 110 с. (*Кургановъ Н.Г.*); Россійская ГРАММАТИКА *Михайла Ломоносова*. – Печатана въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1755 года. – 213 с.; Россійская грамматика, сочиненная Императорскою Россійскою академіею. – СПб. : Печатано въ типографіи Императорской Россійской Академіи, 1802; 1809; 1819; *Смирновскій П.В.* Учебникъ русской грамматики для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I. Этимологія. – Изданіе 26, печатанное безъ перемѣнъ съ 25 изданія, допущеннаго Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. къ употребленію въ качествѣ учебнаго руководства для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. – М., 1915. – 131 с.; *Тредіаковскій В.К.* Разговоръ между чужестраннымъ человѣкомъ і російскимъ объ ортографіи старинной і новой і о всемъ что прінадлежитъ къ сей матеріи. – СПб., 1748. Кроме того, были использованы данные словарей XVIII–XIX вв. : Словарь Академии Российской 1789–1794. Т. 1–6. – М. : МГИ им. Е.Р. Дашковой; Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. – СПб. : Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ, 1847. – Т. I–IV; Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный

вторым отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Второе изданіе.— СПб. : Изданіе Н.Л. Тиблена, 1867–1868. – Т. I–IV.

Вместе с тем нам было интересно проследить истоки исследуемого узуса, установить его преемственность по отношению к нормам, обнаруженным в древних памятниках и ранних грамматических трактатах XV–XVI вв. Обобщая исследования, содержащие сведения об орфографии древнерусского периода (около 50 работ, посвященных памятникам XI–XIV вв.), мы рассматриваем, в каком направлении и под влиянием каких факторов развивается письмо на начальном этапе.

Важную роль в становлении орфографии сыграла среднерусская деловая письменность. Основным материалом исследования узуса данного периода являются скорописные грамоты и другие деловые документы, «Домострой», рукописные газеты вести-куранты, печатное «Соборное Уложение» 1649 г. Привлекаемые нами к исследованию более 500 скорописных текстов вестей-курантов первой половины XVII в. опубликованы Институтом русского языка АН СССР¹⁹. Интерес ученых к этим текстам обусловлен тем, что язык вестей-курантов является лингвистическим основанием, на котором впоследствии развивались научный и публицистический жанры литературного языка. В отличие от других деловых памятников, таких, как грамотки и актовая письменность, вести-куранты, по мнению С.И. Коткова, характеризуются определенной литературностью, как и другие образцы письменности хроникальной²⁰.

¹⁹ В-К I – Вести-Куранты. 1600–1639 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина; под ред. С. И. Коткова. – М. : Наука, 1972. – 347 с.

В-К II – Вести-Куранты. 1642–1644 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина; под ред. С. И. Коткова. – М. : Наука, 1976. – 399 с.

В-К III – Вести-Куранты. 1645–1646, 1648 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов; под ред. С. И. Коткова. – М. : Наука, 1980. – 407 с.

В-К IV – Вести-Куранты. 1648–1650 гг. / Изд. подгот. В. Г. Демьянов, Р. В. Бахтурина; под ред. С. И. Коткова. – М. : Наука, 1983. – 296 с.

В-К V – Вести-Куранты, 1651-1652 гг., 1654-1656 гг., 1658-1660 гг. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова / Изд. подгот. В. Г. Демьянов; отв. ред. В. П. Вомперский. – М. : Наука, 1996. – 223 с.

²⁰ Котков С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. – М. : Наука, 1980. – С. 69.

Апробация работы. Материалы исследования были использованы в общих курсах истории русского языка и истории русского литературного языка, а также в специальных лингвистических курсах для студентов дневного и вечернего отделений филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Основные положения и результаты исследования отражены в докладах, прочитанных на международных конгрессах, симпозиумах и конференциях: «Проблемы сравнительно-исторического языкознания в сопряжении с лингвистическим наследием Ф.Ф. Фортунатова». Международная научная конференция (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 27–29 января 1998 г.); VI Международная конференция «Семантика языковых единиц» (Москва, МГОПУ, 2–5 марта 1998 г.); XXVII Межвузовская научно-методическая конференция (Санкт-Петербургский гос. университет, 16–22 марта 1998 г.); «Древние языки в системе университетского образования: их исследование и преподавание». Международная конференция (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 26–28 января 2000 г.); I Международный конгресс «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 13–16 марта 2001 г.); Международная научная конференция «Аванесовские чтения» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 14–15 февраля 2002 г.); «Ломоносовские чтения» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 17 апреля 2002 г.); II Международный конгресс «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 18–21 марта 2004 г.); XI Всероссийская научная конференция молодых исследователей «Шаг в будущее» (Москва, 12 апреля 2004 г.); Международная научно-практическая конференция, посвященная 50-летию юбилею Центра международного образования МГУ им. М. В. Ломоносова «Международное образование: итоги и перспективы» (Москва, ЦМО МГУ, 22–24 ноября 2004 г.); XII Всероссийская конференция молодых исследователей «Шаг в будущее» (Москва, 11 апреля 2005 г.); Международная конференция «Актуальные проблемы современной филологии: теория и практика» (Красноярск, 21–23 сентября 2005 г.); Научно-дидактический семинар «Письменность славян: прошлое, настоящее, будущее» (Польша, Гданьский университет, 2–5 марта 2006 г.); Международная

научная конференция I Новиковские чтения «Функциональная семантика языка, семиотика знаковых систем и методы их изучения» (Москва, РУДН, 5–6 апреля 2006 г.); III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, март 2007 г.); XI Международный конгресс МАПРЯЛ «Мир русского слова и русское слово в мире» (Болгария, Варна, сентябрь 2007 г.); Научно-практическая конференция «Лингвистика и школа – III» (Барнаул, Алтайский государственный университет, ноябрь 2007 г.); Всероссийская конференция «Кодификация современного русского языка: результаты и проблемы» (СПб., 14–15 декабря 2007 г.); Международный научный симпозиум «Славянские языки и литературы в современном мире» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 24–26 марта 2009 г.); IV Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2010 г.).

Публикации. Основные положения работы отражены в ряде учебных пособий, статей и тезисов в журналах, сборниках и материалах международных конгрессов, симпозиумов и конференций. Всего по теме диссертации опубликовано более 40 работ общим объёмом около 60 п. л., в том числе монография, а также десять статей в ведущих рецензируемых научных журналах.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка источников фактического материала, списка использованной и цитируемой литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность работы, определяются объект и предмет диссертационного исследования, раскрываются его цели и задачи, характеризуются методы исследования и использованный фактический материал, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, освещаются теоретические основы исследования.

В каждой **главе** работы рассмотрены основные орфограммы в соответствии с традиционной классификацией, представленной, например, в коллективной монографии «Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии»²¹.

Глава 1 «Дублетные буквы» посвящена устранению омофонии в русском письме.

Одной из причин вариативности написаний в русской письменности на протяжении многих веков было употребление омофоничных, или дублетных, букв, таких, как *з — s, и — i, о — w, оу — у — ѝ, ф — ѱ, га — ѧ — я*, и некоторых других. Действительно, русское письмо донационального периода «отнюдь не всегда стремилось к однозначному соотнесению графем и фонем» начиная с момента создания Константином-Кириллом азбуки, которую вряд ли можно считать «результатом безупречного фонологического анализа»²². В работе рассмотрено узуальное употребление и нормирование наиболее распространенных букв-дублетов *з — s, и — i, о — w, оу — у — ѝ*. Кроме того, мы нашли возможным включить в данную главу анализ правописания буквы *ѣ*, которая уже в ранних памятниках начинает варьироваться с *е*.

В разделе 1.1 описано распределение букв *з — s*, из которых до второго южнославянского влияния в русских памятниках писалась только *з* (*s* обозначала число '6'). Попытка использовать *s* для обозначения звука, делавшаяся под вторым южнославянским влиянием, привела к дублетности *з — s*. В скорописи, унаследовавшей орфографическую систему полуустава, букву *S* можно обнаружить в тех же позициях, что и *З*. В почерках деловой письменности XVII в. одни писцы вообще не прибегают к букве *S*, другие пишут её в разных положениях, нередко для графического выделения начала слова.

Если в скорописи XVII в. буква *S* употребляется довольно широко наряду с вариантом *З* (в начале слова, иногда в середине перед буквами гласных), то в

²¹ Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.) – М. : Наука, 1965. – 500 с.

²² Живов В.М. Восточнославянское правописание XI–XIII века. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – С. 56.

печатных «Ведомостях» данная буква встречается даже реже, чем в печатном Уложении 1649 г., где она отмечена в единичных словоупотреблениях: *слои, золото, слата, свери, земли, князи* – наряду с обычным и здесь *з*. В набранных церковным шрифтом номерах газеты начертание *з* встречается в числовом значении, в отдельных словах (например, *сло*) и регулярно только в слове ‘зело’ (*зѣло*). В номерах гражданского шрифта через *С* начинают писать также некоторые другие слова: *здѣсь, слоупотребленія, са, гелсенфорса, саімовъ, безъ дѣйства, слоумышленіи*; однако при этом появляется написание *зѣло* наряду с прежним *сло*. После некоторого увеличения числа словоупотреблений с *С* (даже в названии *САНКТЪПТЕРЬСБУРХЪ*) к 1713 г. во всех номерах – и церковного шрифта, и гражданского, и московской, и Санкт-Петербургской типографии – оно заметно сокращается и доходит до единичных случаев, которые встречаются даже не в каждом номере газеты.

Судьба знаков *з* и *з* дает серьезный повод для обсуждения роли кодификации в формировании норм русского письма. Известно, что при создании гражданского шрифта для обозначения <z> из дублетов *З* и *С* первоначально была выбран вариант *С*, причина чего кроется, очевидно, в латинофильской ориентации Петра²³. Однако узус того времени диктовал иной выбор: по сравнению с печатными книгами XVII в., и особенно скорописными памятниками того же столетия, петровские «Ведомости» демонстрируют заметное снижение частотности употребления буквы *С* по сравнению с *З*. Полагаем, что употребление буквы *С* связано с узусом, сформировавшимся в сфере делопроизводства московских приказов, тем более что грамматические сочинения того времени не регламентировали ее правописание, а некоторые даже указывали на ее ненужность. В связи с этим попытка заменить дублетом *С* более распространенный в узусе знак *З*, сделанная на первом этапе Петровской реформы, потерпела неудачу: несмотря на графическую близость к латинице и усилия нормализаторов правописания В.Е. Адодурова, В.Н. Татищева и В.К. Третьяковского, пытав-

²³ Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 76.

шихся ввести данное написание взамен более распространенного *З*, буква *S* не вошла в широкое употребление ни в печатных, ни в рукописных текстах и в 1735 г. была исключена из алфавита, не поддержанная узусом того времени.

В разделе 1.2 рассмотрено употребление знаков *и* и *і*, первый из которых основной и пишется во всяком положении, последний же, факультативное сокращение первого, в древнейший период никогда не употреблялся перед *и*, а только после него (*ни*), что позднее перешло в скоропись. Однако впоследствии в распределении дублетов *и* — *і* обнаруживается сильное стремление к унификации на основе книжной нормы полуустава XV в.

Так, в «Ведомостях» буква *I* пишется в соответствии с основным правилом книжного письма, регламентированным грамматическими сочинениями, — перед гласными в любых словах (*великіа, галіонами, неприатели, приготовленіа, Третіагв, оукраинскіа*), а в заимствованиях во всех позициях: *віноградъ, діалектікъ, ієрлімѣ, ітталін, Івліа, Івніа, офіцеры, провінцыа, оуніверсалъ, філіппъ, філософію, хрістіане*. Однако частные правила грамматик, основанные на принципе антистиха, здесь не соблюдаются.

Не характерно для «Ведомостей» церковной печати и особое написание приставки <pri-> через *и* в любом положении, рекомендованное обеими редакциями грамматики Смотрицкого: перед гласными <pri-> в соответствии с общим правилом обычно пишется с конечной *і* (*пріємлють, прінде, пріѣхалъ, пріѣготовленіа, неприатели*). Показательно, что в московском переиздании грамматики Смотрицкого 1648 г. заимствованное из первоисточника правило о правописании приставки <pri-> через *и* в любом положении проиллюстрировано примерами, в которых все *при-* оригинала перед гласными выправлены на *прі-*: *пріателище, пріємлю, пріятнв, пріимати, пріємлющаа, пріинскренѣе, пріинждиве, пріидохъ*. Очевидно, что сформировавшийся в практике узус, выявляемый в примерах и в тексте грамматики, вступил в противоречие с кодифицированным в ней же правилом. Данный узус представлен также в Уложении 1649 г. и «Ведомостях» церковного шрифта. Впоследствии он закрепляется

грамматическими сочинениями Ф. Поликарпова, рекомендовавшими писать *i* в префиксе <pri-> по общему правилу, то есть перед гласными.

Таким образом, в «Ведомостях», печатанных церковным шрифтом (1703–1710 гг.), буква *i* пишется перед гласными, а также в начале и середине заимствованных слов независимо от последующей буквы. Данная норма фиксируется в грамматических сочинениях Ф. Поликарпова и Ф. Максимова, описывающих церковнославянскую орфографию, только в 20-е годы XVIII столетия.

С появлением номеров, набранных гражданским шрифтом, стройная система распределения дублетов *И* – *I* разрушается: буква *И* начинает беспорядочно вытесняться начертанием *I*, возможно, потому, что именно *И* была первоначально исключена из гражданского алфавита Петром I, хотя потом и восстановлена в окончательной редакции 1710 г. Впрочем, несмотря на некоторые колебания, в 30-е годы XVIII столетия в печатных текстах формируется устойчивая норма употребления буквы *I* перед гласными, кодифицированная в 1738 г. Академией наук. Исключение из данного правила приставки <pri-> с написанием через *И* во всех положениях, нормализованное многими грамматиками XVIII–XIX вв. только через полвека после исчезновения таких написаний в ведомостях, узусом того времени не поддерживается, и орфография данного префикса подчиняется общему правилу – пишется через *I* перед гласными. Данное правило, окончательно воспринятое рукописными памятниками лишь к концу XVIII в., остаётся неизменным и очень авторитетным вплоть до упразднения буквы *I* в 1917–1918 гг., несмотря на некоторые попытки его реформирования.

Раздел 1.3 раскрывает особенности правописания буквы **ѡ**, правило употребления которой преимущественно в начале слова, возникшее в русском уставе в середине XIV в., было заимствовано скорописью. Напротив, правописание дублетов **ѡ** — **ѡ** в «Ведомостях», набранных церковным шрифтом, заметно отличаясь от скорописного узуса, очевидно, наследует традиции книжности московского Печатного двора, хотя употребление **ѡ** в газете менее регулярно.

Кроме общей для всех систем письма позиции начала слова, находим **ѡ** в окончаниях Д.п. мн.ч. существительных мужского рода в соответствии с прави-

лом, кодифицированным грамматиками Зизания и Смотрицкого и заимствованным Поликарповым и Максимовым с целью дифференцировать омоформы, например: *гишпанцѡмъ и францѡзмъ развращеніе оучинить* (ср. Т.п. ед.ч. с' *корабелщикомъ*).

Другая позиция для **ѡ**, регламентированная грамматиками, связана также с падежными флексиями множественного числа, – это окончания Р.-В.п. существительных, только, в отличие от «усеченных» форм, приведенных в пример грамматистами (*бѡгъ, прорѡкъ* и под.), в газете, как и в Уложении, представлены флексии <-ов>: *охотникѡвъ, шведѡвъ, выстрѣлѡвъ, трудѡвъ*.

Буква **ѡ** в соответствии с принципом антистиха в конце слова маркирует наречия. В «Ведомостях» **ѡ** в исходе наречий пишут часто, хотя и не обязательно, ведь почти в каждом номере можно найти в финале наречий как **ѡ**, так и **о**, часто в одном словосочетании: *доволнѡ, многѡ, сѣлѡ, тамѡ, такѡ, ежедневнѡ, околѡ — нѣсколко, не добро (постѣпаетъ), ежедневно*.

В отличие от печатных «Ведомостей», в частных и официальных скорописных текстах **ѡ** пишется нерегулярно: чаще в предлогах и приставках с начальной *О*, особенно *ОТ*, а случаи употребления **ѡ** в середине и конце слова связаны зачастую с положением конца строки, хотя и не обязательны в этой позиции.

Начертания **ѡ** и **ѡ̄** не входят в новую гражданскую азбуку после реформы 1710 г., однако в практике письма продолжают употребляться даже в рукописях конца XVIII столетия, обычно в предлогах и приставках, что, очевидно, объясняется писцовой выучкой (так, В.К. Третьяков, принявший с большим энтузиазмом гражданскую азбуку, тем не менее, использовал **ѡ** еще по меньшей мере 2 десятилетия).

Раздел 1.4 посвящен буквам, обозначающим <u>. Если первоначально употребление вариантов **оу** — **у** — **Ѹ** подчиняется «практическому» правилу: «широкая» буква **оу** является предпочтительной, в то время как «узкая» **у** может заменять ее в конце строки с целью экономии места, то к XIV в. формиру-

ется иная норма написания указанных дублетов: **оу** пишется в начале слов и после гласных, **у** (**Ѹ**) – после согласных. Такая норма сохраняется в книжном письме и фиксируется первыми грамматиками, тогда как в более прагматичной скорописи закрепляется лишь два «экономных» варианта – **у** и **Ѹ**, последний из которых заметно преобладает.

Употребление исследуемых дублетов в печатном Уложении 1649 г. отличается от закономерностей, характеризующих деловые скорописные памятники: в Уложении **у** не встречается, а употребление букв **оу** и **Ѹ** «находится в явной зависимости, во-первых, от ударения, а во-вторых, от положения – в начале или не в начале слова», причём «в начале слова и в предлоге употребляется главным образом **оу**»²⁴. Данные П.Я. Черных подтверждаются нашими наблюдениями над орфографией Азбуки И. Федорова 1574 г., где очень последовательно соблюдается правило: **оу** в начале слова, **Ѹ** – в остальных позициях, например: **оумѸдряя, оумертви, разѸма**. Такая же закономерность представлена в грамматике Л. Зизания 1596 г., хотя написание этих дублетов здесь не регламентировано. Данная особенность отличала как светские, так и церковные книги конца XVI – начала XVII вв., а изменения, происшедшие во второй четверти XVII в., коснулись употребления **оу** и **Ѹ** не в начале слова, где во всех положениях закрепились **Ѹ**.

Правило, регулирующее употребление букв **оу**, **Ѹ** и **у**, впервые сформулировано М. Смотрицким в Грамматике 1619 г.: **оу** полагается писать «**в началѣ реченіи**», тогда как **Ѹ** и **у** – «**средѣ и вконци**». Данное правило, хоть и в несколько упрощенном виде, сохраняется до начала XVIII века. Так, у Ф. Поликарпова читаем: «**у** – въ началѣ рѣчи, а **Ѹ** въ серединѣ и на концѣ полагается, яко **уставка**, а не **Ѹставка**»²⁵. Такую орфографию унаследовали «Ведомости» церковного шрифта: **оумножаются, оудоволствовалъ, оубито, оушло — пѸшки, фѸнтовъ, ПолѸпѸдовыє, двѸ пѸдовыє, пѸшечномъ**.

²⁴ Черных П.Я. Язык Уложения 1649 г. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. – С. 152, 159.

²⁵ Поликарповъ Ф. Букварь славяногреколатинскій. – М., 1701. – С. 6.

Петровская реформа не затронула вариантов *оу* — *у* — *ѳ*, однако в скорописи, на основе которой строилась гражданская азбука, начертание *оу* не употреблялось уже с XVI в. Вариант *ѳ*, первоначально исключенный Петром из «гражданки», в окончательном варианте алфавита 1710 г. был восстановлен вместе с некоторыми другими дублетами и функционировал наряду с начертанием *У*.

В первых номерах «Ведомостей» гражданского шрифта не в начале слова *ѳ* перемежается с *У* (диграф *оу* выходит из употребления): *резидентѳ*, *пишѳть*, *трѳбача – воину*, *купить*, *пристанищу*. Однако вскоре данное начертание полностью исчезает из гражданского набора «Ведомостей», где во всех положениях теперь употребляется только буква *У*, более соответствующая общему стилю гражданской азбуки. Такое написание и закрепляется в печатных текстах, однако в рукописных памятниках дублетность *ѳ* – *У* сохраняется намного дольше – до конца XVIII столетия²⁶. Правда применительно к данному периоду указанная пара квалифицируется исследователями как «начертательные варианты», первый из которых (*ѳ*) назван архаичным²⁷.

Итак, анализ употребления дублетных букв, проведенный в разделах 1.1 – 1.4, свидетельствует о стремлении к унификации, а затем и к устранению омофонии в русском письме. Если в ранних памятниках распределение дублетов не определялось какой-либо правописной нормой, то уже в XI в. было положено начало их орфографической нормализации, которая получила наиболее полное выражение в последующий период развития русского языка, под так называемым вторым южнославянским влиянием. Следующий этап в разграничении позиций омофонов связан со спецификой не предполагавшего деления на слова скорописного текста, орфография которого имела принципиально вариативный характер. При этом использование вариантов графем для разграничения единиц

²⁶ Глинкина Л.А. (общ. ред.) Скоропись XVIII века. Учебное пособие / Под общей редакцией Л.А. Глинкиной. – Челябинск, 2003. – С. 54.

²⁷ Сивкова Е.А. Тексты "Троицкой таможи" конца XVIII – середины XIX веков как лингвистический источник : Палеографический, графический, орфографический аспекты : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01. – Челябинск, 1999. – С. 50.

текста позволяет сделать вывод о вырастании орфографической нормы из графических особенностей скорописи. В течение XVII в. действует тенденция к избавлению от омофонов, начиная с *ѣ* и *ѡ*, причем скорописный узус распределения дублетов не всегда совпадает с рекомендациями грамматик и нормой, обнаруживаемой в печатных текстах. Так, лигатура *ѣ*, предпочтительная для начала слова в скорописи, допускается грамматиками и печатными текстами только в середине и конце слов.

Весь XVIII в. проходит под знаком освобождения русской графики от омофонов, причём если в печатных текстах гражданского письма дублетные написания исчезают сразу же после соответствующего указа, то в рукописной орфографии некоторые из них сохраняются и до конца столетия (например, *ѣ*, *ѡ* и *Ѣ* в памятниках деловой письменности конца XVIII в.). В XIX столетии из интересующих нас дублетов остаётся лишь *І*-десятеричное, правило употребления которого перед гласными, регламентированное грамматиками, в узусе соблюдалось очень строго, даже в префиксе <при-> писали *І*, несмотря на многочисленные, хотя и не всегда последовательные попытки нормализаторов закрепить данную позицию как исключение.

Важно, что стремление внедрить в алфавит близкие к латинским начертания *Ѕ* и *І* вместо более употребительных *З* и *И* всё-таки не увенчалось успехом, что свидетельствует о самобытном характере развития русского письма, большую роль в котором играло стихийное нормирование.

Особое место в данной главе занимает раздел 1.5, освещающий особенности употребления буквы *Ѣ*. В отличие от других букв-дублетов, использование *Ѣ* определялось не только церковнославянской письменной традицией и искусственными правилами разграничения омонимов, но и некоторыми особыми закономерностями живого и книжного произношения.

Ориентированная на книжную норму церковная и даже гражданская печать «Ведомостей» не отражала действовавшей в скорописи тенденции к устранению *Ѣ*. В отличие от скорописных деловых памятников и печатного Уложе-

ния, в петровских «Ведомостях» буква Ъ пишется очень стабильно в соответствии с церковнославянской нормой в номерах как церковного, так и гражданского шрифта, хотя старшие и современные им грамматические сочинения не предлагают ни так называемого «ятевого» списка, ни перечня правил, регулирующих правописание данной буквы.

В начале XVIII в., когда еще не было свода правил, регулировавшего правописание буквы Ъ, узус «Ведомостей» демонстрирует большую устойчивость в употреблении Ъ, в первую очередь, в исходе наречий и служебных слов: *вездѣ, внѣ, возлѣ, гдѣ, доколѣ, доселѣ, дотолѣ, кромѣ, нынѣ, подлѣ, развѣ, вдалекѣ, вдвойнѣ, вмѣстѣ*, – и произведенных от них прилагательных: *внѣшній, здѣшній, нынѣшній*, – а также сравнительной и превосходной степени: *главнѣйшіе, сілнѣе, наискорѣе*. Кроме того, Ъ регулярно пишется в приставке *нѣ* неопределенных местоимений и наречий: *нѣсколко, нѣскольکو, нѣсколко, нѣкто, нѣкоторое, нѣкоторые, нѣкогда*.

Незначительную вариативность в употреблении Ъ демонстрируют окончания Д. и М.п. ед.ч. существительных в ранних номерах «Ведомостей», причем такие ошибки встречаются, как правило, в словах иноязычного происхождения, обычно топонимах. О закреплённости таких написаний за иноязычиями свидетельствуют случаи, когда рядом употребляется русское и заимствованное слово в одинаковой форме, но с разными окончаниями – Ъ в русском, а *E* в заимствовании (например: *къ рекѣ родонделѣ, на рекѣ родонделѣ, в стразбургѣ городѣ*), что, на наш взгляд, отражает определенный этап освоения заимствований. Однако варьирование Ъ и *E* в составе флексий прекращается уже на этапе «Ведомостей», и позднейшие издания газет оно не затрагивает.

Корневые морфемы в исследуемых текстах также отличаются достаточно стабильной орфографией, несмотря на отсутствие в грамматиках XVI–XVIII вв. «ятевых» списков. Особую группу составляют новые заимствования с еще не установившимся правописанием: “апрель”, “армия”, “галера”, “инженер”, “кан-

целярия”, “канцлер”, “карета”, “лакей”, “линия”, “магазин”, “мушкет”, “офицер”, “папезский”, “проект”, “пистолет” и нек. др., а также первая часть сложных слов *вице-* (*вицъадмираль*), где иногда употреблялась Ъ. В «Ведомостях» написание данных слов сильно варьируется, однако в большинстве иноязычий Ъ не закрепляется, причем узус фиксирует это положение значительно раньше Словаря Академии Российской 1789–1794 гг. Большинство пишущихся через Ъ заимствований – имена собственные, такие, как “Вѣна”, “Алексѣй”, “Сергѣй”. Едва ли не единственным иноязычным именем нарицательным, в котором сохраняется Ъ, является слово “апрѣль”, которое Я.К. Грот объясняет латинским “*aprilis*”.

Таким образом, за столетие до появления первого «ятевого» списка (кстати, очень неполного) в Академической грамматике 1802 г. в «Ведомостях» складывается основной корпус систематически пишущихся через Ъ слов, впоследствии зафиксированный в полном объеме только в конце XIX в. Я.К. Гротом. Варьирование корневых гласных в газетах, отмеченное в основном в иноязычных словах, прекращается задолго до кодификации данных слов в грамматиках и словарях.

Глава 2 «Буквы Ъ и Ь» освещает историю изменения значения данных символов, а также закономерности их употребления на разных этапах развития письма.

Раздел 2.1 посвящен правописанию Ъ и Ь в XI–XVII вв. Обобщение результатов исследований памятников древнерусского периода позволяет сделать вывод о том, что к XIV веку происходит решающий перелом в системе русского письма, заключающийся во все более отчетливом стремлении к разграничению и единообразному написанию морфем. Перелом этот характеризуется не столько появлением новых написаний, сколько изменением отношения старых к фонетической системе вследствие языкового развития. Так, в этот период меняется назначение букв Ъ и Ь, которые уже не служат знаками редуцированных на уровне фонемы, а могут показывать твердость-мягкость предшествующего

согласного или сигнализировать о <j> в позиции перед гласным, однако наиболее последовательно используются как показатели границы слов и морфем. Современное значение букв, намеченное ещё в XIV в., формируется в течение длительного времени в ходе развития письменности, важный этап которого отражают скорописные тексты, где, как и в современных им печатных памятниках, буквы Ъ и Ь в середине слова к XVII в. почти полностью устраняются.

Разделы 2.2–2.4 данной главы рассматривают правописание Ъ и Ь в XVIII–XIX вв. К началу XVIII столетия во всех системах русского письма Ъ и Ь внутри слова устраняются за исключением случаев, когда они обозначают мягкость предшествующего согласного или используются в разделительной функции. Кроме того, Ъ и Ь продолжают употребляться как показатели границы слова. Реформа письма 1708–10 гг., в частности отмена паерков, способствовала окончательному оформлению Ъ и Ь в качестве твердого и мягкого знаков. Так, в «Ведомостях» Ъ и Ь наиболее регулярно пишутся на конце знаменательных слов (в конце предлогов Ъ иногда заменяется паерком до 1710 г. или опускается) как показатель не только межсловной границы, но и твердости-мягкости предшествующего согласного. В середине слова мягкость обозначается крайне непоследовательно, а твердость вовсе не обозначается, буквы Ъ и Ь здесь, как правило, предупреждают о <j> перед гласной.

Раздел 2.2 описывает орфографию разделительных знаков в 2-х основных позициях: в исходе префиксов на согласную и на границе основы с флексией. Современное правило их написания складывается уже в начале XVIII столетия, когда перестают употребляться выносные буквы, причем грамматические трактаты заметно отстают от стихийного нормирования в кодификации данного правила.

Узус «Ведомостей» представляет собой важный этап развития «разделительной» функции букв редуцированных и паерков, которые в исходе префиксов перед согласными и «нейотированными» гласными здесь почти не встречаются, зато обязательно сигнализируют о последующем <j>. В номерах гражданской печати продолжается систематическое обозначение <j>, для чего после

отмены надстрочных знаков используется только Ъ. Не после префиксов – внутри основы или на границе между основой и флексией – регулярно пишется «разделительный» Ь. Закономерность употребления Ъ и Ь, намеченная в первой четверти XVIII столетия в «Ведомостях», впоследствии устанавливается как норма и отличает также тексты «Санктпетербургских ведомостей» и «Московских ведомостей» XVIII и XIX вв.

Вариативность в употреблении букв редуцированных отмечена лишь в одном положении – после префиксов перед *И* – гласной, не обозначающей <j>. Здесь допускаются два варианта написаний: префикс с конечным Ъ перед *И* (*разъигрывается, изъискали*) или без Ъ перед *И* (*отыскать, взысканію*).

Первый вариант, очевидно, объясняется стремлением к унификации и единообразному отражению морфем, в результате чего вопреки книжной традиции и скорописному употреблению в середине XVIII столетия в узусе устанавливается стабильная закономерность, действовавшая на протяжении более чем столетия: префиксы на согласную пишутся с конечным Ъ, при этом начальная *И* корня остается неизменной. Грамматические сочинения по-разному оценивают такие написания, но, как всегда, по времени отстают от узуса, лишь фиксируя уже сложившуюся орфографию. Я.К. Грот в 1885 г. кодифицирует данную орфограмму в ее современном виде, обосновывая свою рекомендацию тем, что *И* представляет собой сокращенное сочетание *Ъ+И*, и таким образом примиряя узус и рекомендации некоторых грамматиков.

В разделе 2.3 рассматриваются финальные Ъ и Ь. В отличие от скорописных деловых памятников, где в конце слов обычно пишутся выносные согласные, не сопровождающиеся буквами редуцированных, печатные «Ведомости» предполагают обязательное употребление финальных Ъ или Ь после согласных в соответствии с книжной нормой. Как и в предшествующие периоды, зоной вариативности здесь являются позиции после непарных по твердости-мягкости согласных *Ж* и *Щ*, тогда как положение после *Ц* и *Ч* отличается стабильной орфографией.

После непарных по твердости-мягкости согласных в середине XVIII в. на практике начинают применяться грамматические критерии при выборе конечной буквы *Ъ* или *ь*, хотя грамматисты (в частности, Ломоносов) еще не сформулировали соответствующих правил. Узус употребления *Ъ* и *ь* после непарных твердых и мягких согласных устанавливается к началу XIX в., при том что полная и корректная формулировка данного правила дается только в грамматике Востокова 1835 г. Более ранние, да и многие позднейшие грамматические сочинения мотивируют разграничение *Ъ* и *ь* другими членами парадигмы, что лишь косвенно указывает на грамматическую характеристику слова. Зоной вариативности остается форма мн.ч. Р.п. существительных ж.р. (типа *душъ* или *кожъ*), где вплоть до середины XIX в. встречается *ь* наряду с преобладающим *Ъ*. Затруднить оформление данной орфограммы могла существовавшая в XVIII–XIX столетиях традиция дифференцировать *Ъ* и *ь*, опираясь на появление *А* или *Я* в других падежных формах (*вождь*, т.к. *вождя*, а *ключъ*, т.к. *ключа*), что оказалось в данном случае неэффективным.

Раздел 2.4 посвящен использованию буквы *ь* для обозначения смягченных согласных не в конце слов.

Проблема отсутствия в середине слова *ь*, необходимого для обозначения смягченных согласных, связана с особенностями употребления выносных в полууставе и особенно в скорописи. И книжная, и приказная нормы XVII столетия не предполагали обозначения смягченных согласных в середине слова, что и легло в основу узуса «Ведомостей», который в результате стал очень устойчивым, вопреки рекомендациям грамматических сочинений Поликарпова, где, впрочем, мягкость неконечных согласных также не обозначалась. Написание одного слова или родственных слов может варьироваться в пределах одного номера или в соседних номерах церковной печати «Ведомостей»: **во львовъ** — **во лвовъ**, **в польши** — **полша**, **осмьдесатъ** — **патдесатъ**, **пятьсотъ** — **патдесятъ**. В целом же написания с пропущенным *ь* преобладают, а начиная с 1709 г. мягкость в середине слова перестает обозначаться совсем в номерах как церковной, так и гражданской печати: **непріѣтелскиѣ**, **болшаа**, **четырни**, **бол-**

шой, карабелщикъ, карабелный, недоволикъвъ, началъишіе, недоволиымъ, корабелнымъ, полскихъ, наибольшю, большаго.

В «Санктпетербургских ведомостях» обозначение смягченных согласных в середине слова не сразу становится последовательным несмотря на то, что в гражданском письме выносные буквы уже не употребляются. Однако с 1732 г. *Ь* пишется уже в большинстве случаев, например в одном номере: *увеселителнои, удоволствіемъ – большаго, довольно, дѣйствительны, понедѣльникъ, пользѣ, вольницы, увеселительная, удовольствію.* Данная тенденция получает дальнейшее развитие, и употребление *Ь* в середине слов после мягких согласных вскоре становится регулярным. Вариативной орфография *Ь* остается лишь в словах “первый”, “церковь”, “верх” и однокоренных, что, очевидно, связано с орфоэпической нормой того времени. Об этом в 1769 г. пишет Н.Г. Курганов: «Понеже буквы *Ъ* и *Ь* в *Ъ* конце словъ распознаются ясно, а в *Ъ* срединѣ сумнительно; ибо пишемъ твердить, первый, седмый и пр. а выговариваемъ твердить, перьвый, седьмый, то должно писать перьвый или первый и пр. Также только, столько, или толко и пр. употреблять по произволности»²⁸. Очевидно, что данное правило регламентирует принципиальную вариативность в написании нефинального *Ь*, употребление «по произволности». Заметим, что стихийно орфография *Ь* в данной позиции в основном оформилась почти на полстолетия раньше.

Впервые основательно нормализована исследуемая орфограмма в Академической грамматике 1802 г. Предложенный грамматикой «еревый» список регламентирует написания *верьхъ* и *церьковь*, тогда как Словарь Академии Российской 1789–1794 гг. рекомендует оба слова писать без *Ь* внутри, что уже соблюдается в узусе. Из третьего издания Академической грамматики (1819 г.) исчезает написание *церьковь*, однако *верьхъ* еще сохраняется. Против такой орфографии решительно выступает Н.И. Греч: «Неправильно употребляютъ сію

²⁸ Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословіе. – Издано Во градѣ Святаго Петра, 1769. – С. 98.

букву въ словахъ: *верхъ, перьвый, вѣтъвь*, вмѣсто: *верхъ, первый, вѣтвь*»²⁹. Правописание этих и подобных слов без *Ь* в середине кодифицировано Академическим словарем 1847 г., и более поздние грамматики и словари писать *Ь* в таких словах не рекомендуют.

В главе 3 «Гласные» в диахронии рассматриваются трудные случаи правописания гласных после шипящих и аффрикат.

Раздел 3.1 посвящен употреблению букв *У/Ю, Ы/И* после шипящих и *Ц*. В начале XVII столетия в скорописи формируется очень стабильный узус употребления *У* после шипящих и *Ц*, который наследует орфография ведомостей XVIII в. как гражданского, так и церковного шрифта, а также рукописных памятников того времени. Несколько позднее, в 1820-х гг., устанавливается написание *У* после *Ч*. Данная закономерность оформляется независимо от рекомендаций грамматик, которые не только не нормализуют уже сложившийся узус, но даже демонстрируют вариативность *У–Ю* в указанной позиции. Начало кодификации данной орфограммы относится к 1830-м гг., после чего ни в грамматиках, ни в практике письма относительно правописания *У* после шипящих и *Ц* разночтений не наблюдается.

Употребление *И* после шипящих, претерпев небольшие колебания под влиянием принципа антистиха, устанавливается уже в начале 1710-х гг. и остается далее настолько стабильным, что большинство грамматических сочинений его даже не регламентирует. Напротив, после *Ц* в исконно русских морфемах в «Ведомостях» стабильно пишется *Ы* вопреки книжной традиции и рекомендациям грамматик. Вместе с тем заимствования демонстрируют стойкую тенденцию к употреблению *И* в указанной позиции. Особенно частотны иноязычные слова на *-ЦИЯ*, которые начиная с середины 1710-х гг. пишутся только через *И*, что, возможно, объясняется особенностью их произношения, допускавшего у образованных людей смягчение [ц] – лек[ц'и]я³⁰.

²⁹ Практическая русская грамматика изданная *Николаемъ Гречемъ*. – СПб. : Въ типографіи Императорской Россійской Академіи, 1834. – С. 480.

³⁰ *Панов М.В.* История русского литературного произношения XVIII-XX вв. Изд. 3-е, стереотипное. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – С. 186.

Уже в 20-е гг. XVIII столетия устанавливается узус, в соответствии с которым после *Ц* пишется *Ы*, кроме иноязычий, где всегда находим *И/І*. Исключение составила небольшая группа заимствований через польское посредство, где позднее Академическим словарем и орфографическими трудами Грота было кодифицировано написание *ЦЫ*, хотя и не всегда последовательно (*цыфирь* – *цифра*).

Грамматические сочинения XVIII – начала XIX вв. (Адодурова, Ломоносова, Барсова, Светова, издания Академии наук и др.) не регламентируют правила правописания *ЦИ* и *ЦЫ*, хотя их орфография соответствует характерному для ведомостей узусу. Первым сформулировал данное правило Н.И. Греч, установивший правило сочетания *Ц* с гласными *А, Е, У, Ы* и определивший заимствования (например: *Цитень, Грація, Медицина*) как исключения из данного правила³¹. Авторы некоторых более поздних сочинений повторяют данное правило, однако единого списка исключений не составляют.

Раздел 3.2 освещает употребление букв *Е/О* после шипящих и аффрикат.

«Ведомости» при распределении *Е/О* после шипящих и *Ч* следуют правописной традиции, предполагавшей употребление *Е* во всех положениях, хотя и не кодифицированной в виде особого правила, и демонстрируют значительно меньшую вариативность по сравнению с узусом деловой письменности предшествующего столетия, выявленным как в скорописных памятниках, так и в печатном Уложении и характеризовавшимся меной *Е/О* после шипящих и *Ч*. Некоторые колебания обнаруживаются и в Лексиконе Ф. Поликарпова 1704 г., где наряду с нормативными **шелкъ, печенка** находим написание **чолнъ**, а также важную отсылку: «**чоснокъ, зри чеснокъ**», которая со всей очевидностью свидетельствует о наличии вариантов передачи данного слова.

В «Ведомостях» и современных им скорописных памятниках лишь намечается тенденция к употреблению *О* после шипящих и *Ч* под ударением, в основном здесь пока пишут *Е* во всех морфемах в соответствии с книжной тради-

³¹ Практическая русская грамматика изданная *Николаемъ Гречемъ*. – СПб. : Въ типографіи Императорской Россійской Академіи, 1834. – С. 10–11.

цией. «Санктпетербургские ведомости» и «Московские ведомости» в большинстве позиций также сохраняют *Е*. Однако в адъективных флексиях здесь уже предпочтительна *О*: *меньшою, большой* (при безуд. *меньшей*).

Впервые правило правописания *Е/О* после шипящих сформулировал А.А. Барсов в «Российской грамматике» (1783–1788). По его наблюдению, под ударением *О* не только «выговаривается», но и пишется: *жолтой, жолтъ, чорствой, чорствъ, шолкъ, шорохъ, щолокъ, хорошо, ножомъ, калачомъ, барышомъ, жжоть, сожогъ, чоль, счоль, шоль, пришоль, щелчокъ, разношорстный*. Те же слова, у которых при изменении формы ударение переходит с последнего слога на <е>, сохраняют *Е*: *шепчю*, так как *шѣпчешь*; *женю*, так как *жѣнишь*. Особо выговаривается норма, в соответствии с которой слова, принадлежащие высокому стилю, пишутся только через *е*: *возшель, возшедъ, произшель*³². Однако, несмотря на сформулированное правило, в тексте грамматики присутствует вариативность: *плече – плечо, чесанъ – чосанъ, пошептываю – пошоптываю*, что свидетельствует о большой нестабильности данной орфограммы.

Подобно употреблению *Ы*, написание *О* устанавливается после *Ц* значительно более уверенно, чем после шипящих, где в течение всего XVIII столетия во всех позициях преобладает *Е* не только в ведомостях, но даже и в скорописных текстах. Написание *ЦО* закрепляется в деловых памятниках даже в безударных слогах, и данный узус наследуют ведомости. Причину такого положения пытается установить Я.К. Грот: «Звукъ *ц* гораздо болѣе шипящихъ способенъ соединяться съ твердыми гласными: это объясняется разложениемъ его на *т* и *с*; ибо *с* не только легко допускаетъ за собою всѣ эти гласныя, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ неохотно смягчается, такъ что вмѣсто *съ, ся*, иногда и *сю*, многіе произносятъ: *съ, са, су*, напр. «держись, я примусь, дѣлатса, взялса, суда» (вм. *сюда*). Поэтому неудивительно, что после *ц* безъ затрудненія произносится и пишется даже *ы*, а слѣдовательно для этой согласной нѣтъ причи-

³² Российская грамматика *Антонна Алексеевича Барсова* / Подготовка текста и текстологический комментарий М.П. Тоболовой. Под ред. и с предисловием Б.А. Успенского. – М. : Издательство Московского университета, 1981. – С. 57.

ны чуждаться *о*, которое и ставится послѣ нея всякій разъ, когда, при первоначальномъ *е*, на этотъ слогъ падаетъ удареніе, напр. *лицо, кольцомъ, купцовъ*»³³. В сложившейся ситуации пытались разобраться и составители монографии «Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии»: «Правописание *о* после *ц* стабилизировалось гораздо раньше, чем орфограммы *жо, шо, цо, чо*. Причина этого, возможно, заключалась в том, что корней с сочетанием *цо* в русском языке крайне мало (*цокоть, цокот, цокотать*); в большинстве случаев <о> в этом сочетании принадлежит уже аффиксальной части слова. А это положение, как показывает и история написания *о* после шипящих, оказалось наиболее проницаемым для написаний с буквой *о* (после согласных, непарных по твердости-мягкости)»³⁴.

В «Ведомостях» и в современных им скорописных памятниках, вопреки рекомендациям грамматик и книжной традиции, во всех положениях заметно преобладает написание *О* после *Ц*, в отличие от позиции после шипящих и *Ч*, где лишь намечается тенденция к употреблению *О* под ударением. Данный узус сохраняется в «Санктпетербургских ведомостях» и «Московских ведомостях». Сочетание *ЦЕ* употребляется крайне редко, в основном в иноязычных корнях без ударения: *цедулка, цевенской, церемонія*. Однако, несмотря на безударное положение, не имеет исключений отражающее произношение употребление *О* в корне “герцог”.

В течение XIX в. происходит сближение двух схожих орфограмм, в грамматических сочинениях они регламентируются в общем правиле правописания *Е/О* после шипящих и *Ц*, однако практика письма не демонстрирует такого единства. Весь указанный период нарастает число словоупотреблений с *О* после шипящих под ударением, тогда как после *Ц* наблюдается обратное – постепенно сходят на нет написания *ЦО* в безударных слогах. Только в конце

³³ Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отдѣленія Императорской Академіи наук академикомъ *Я.К. Гротомъ*. – СПб. : Типографія Императорской Академіи наукъ, 1885. – С. 40–41.

³⁴ Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.) – М. : Наука, 1965. – С. 151.

столетия Я.К. Грот узаконил написание *О* во многих аффиксах после шипящих, а также сложившуюся в узусе орфографическую практику – писать после *Ц* под ударением *О*, без ударения *Е*³⁵.

Глава 4 «Согласные» описывает историю орфографии согласных в сомнительных случаях: в исходе префиксов, на стыке корней и суффиксов, в ситуации удвоения.

В разделе 4.1 исследованы приставки на <z>, орфография которых с самого начала отражала произношение, сформировавшееся еще в дописьменную эпоху. На протяжении всей истории русского письма действует тенденция к установлению фонематических написаний данных морфем. Так, в вестях-курантах и других памятниках XVII в. перед буквами звонких согласных, сонорных и гласных на конце всех приставок данной группы пишется только *З(S)*, тогда как перед буквами глухих написание приставок различается: приставка <bez-> в данной позиции преимущественно употребляется с конечным *З*, префиксы <voz-> и <iz-> оканчиваются преимущественно буквой *С*, и наибольшей нестабильностью отличается орфография <roz->, при этом *З* оказывается предпочтительной только перед *с* корня, в остальных позициях преобладает написание приставки с конечной *С*. Печатные «Ведомости» продолжают тенденцию, наметившуюся в вестях-курантах прошлого столетия: учащаются случаи употребления *З* перед буквами глухих согласных в исходе приставок на <z>, из которых <bez-> пишется только через *З*, в других же префиксах *З* под действием принципа графической диссимиляции закрепляется перед *С*, а остальные позиции допускают вариативность. Подобный узус обнаруживается и в современных «Ведомостях» грамматических сочинениях, хотя они и не регламентируют данную орфограмму.

Число написаний с конечной *З* префиксов постепенно возрастает, к середине 1750-х гг. в «Санктпетербургских ведомостях» и «Московских ведомо-

³⁵ Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отдѣленія Императорской Академіи наук академикомъ Я.К. Гротомъ. – СПб. : Типографія Императорской Академіи наукъ, 1885. – С. 39–42.

стях» на фоне беспорядочного варьирования они становятся предпочтительными, а к началу XIX столетия окончательно закрепляются в узусе. Такую орфографию кодифицируют некоторые грамматики первой четверти XIX в. (например, три издания Грамматики Академии Российской 1802, 1809, 1819 гг.), где делается попытка более последовательно провести фонематический принцип и исключить вариативность орфографии приставок на <z>.

Однако в начале XIX столетия фонематические написания префиксов на <z> постепенно начинают уступать место традиционным – растет количество вариантов приставок с конечными *с* перед буквами глухих согласных. Наконец к 1830 г. устанавливается очень стабильная норма, просуществовавшая до реформы 1917–1918 гг., закрепленная в самом авторитетном орфографическом руководстве конца XIX в. – «Русском правописании» Я.К. Грота: через *з* пишется <bez-> – всегда, а остальные приставки – только перед *с*; перед буквами глухих согласных, кроме *с*, употребляют *вос-*, *ис-*, *рос-*³⁶. Так реализуется тенденция, начало действия которой относится еще к первой половине XVII в., ко времени рукописных вестей-курантов.

Показательно, что грамматисты-нормализаторы, будучи редакторами ведомостей, не осуществляли на практике свои теоретические построения. Так, на орфографии «Санктпетербургских ведомостей» никак не отразилось ни участие в их издании В.Е. Адодурова, сторонника фонетического письма (1732, 1734–1735 гг.), ни руководство М.В. Ломоносова в 1748–1751 гг. Первым редактором «Московских ведомостей», издававшихся с 1756 г. под эгидой Московского университета, был университетский профессор А.А. Барсов. Однако правила, сформулированные в его грамматике, не соблюдаются в «Московских ведомостях», орфография которых в то время крайне нестабильна. В «Санктпетербургских ведомостях» – издании Академии наук – не заметно стабилизирующего влияния академической грамматики, вышедшей в свет в 1802 г. и многократно переиздававшейся в течение первой четверти XIX в. Грамматика скорее

³⁶ Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отделения Императорской Академии наук академикомъ Я.К. Гротомъ. – СПб. : Типография Императорской Академии наукъ, 1885. – С. 43.

фиксирует узуальную норму правописания приставок на <z>, сложившуюся еще в конце XVIII столетия в практике публикации газеты и уже начавшую к началу XIX в. постепенно разрушаться под действием древней традиции или каких-либо иных факторов. Очевидно, что орфография ведомостей не являлась предметом пристального внимания высшего редакционного руководства, ориентированного больше на контроль содержательной стороны материалов. Об этом свидетельствует и анализ корректурных экземпляров газеты, где правка обычно касается содержания, а в области правописания чаще подвергаются исправлению имена собственные и географические названия, особенно иноязычные, вставляются пропущенные буквы, некоторые знаки препинания.

В разделе 4.2 рассмотрены особенности орфографии префикса <s->, которая долгое время испытывала сильное влияние со стороны правописания приставок на <z>. Тенденции, наметившиеся в XIII–XIV вв., очевидно, мотивированы не столько действием фонетического фактора, сколько влиянием правописной аналогии. Последнее подтверждается фактами неоправданной передачи согласного приставки <s-> и предлога *С* через *З* в позиции перед глухими согласными и в сильной позиции – перед сонорными и <v> (так, в вестях-курантах находим написание *зсору*, исправленное из чернового *ссору*). Орфография приставки <s-> практически не отличается от правописания префиксов на <z> на протяжении не только XVII, но и XVIII в. Как и в скорописных вестях-курантах XVII в., в печатных «Ведомостях» вариативность согласной данного префикса обнаруживается перед буквами звонких шумных, однако по сравнению с вестями-курантами в «Ведомостях» *З*- в указанной позиции употребляется менее последовательно, особенно в поздних номерах. Узус стал настолько стабильным, что был закреплен в самых авторитетных грамматиках середины XVIII в. М.В. Ломоносова и Н.Г. Курганова.

В течение XVIII и в начале XIX в. очень сильна тенденция к написанию приставок на <z> через *З*-, и орфография <s-> вначале развивается в рамках этого узуса. Однако вскоре в «Санктпетербургских ведомостях» появляется и становится нормой вариант *С*- во всех позициях. Возвращение к единообразно-

му написанию <s> совпадает по времени с экспансией фонематических написаний приставок на <z>, что свидетельствует о стремлении пишущих к сохранению образа морфемы.

Раздел 4.3 посвящен случаям удвоения *Н*.

Современная орфография отглагольных образований с одной и двумя *Н* окончательно установилась в узусе в 1720-е гг. Кодификация, не говоря уже о теоретическом обосновании правила, значительно отставала от узуса, а нередко и противоречила ему, даже в текстах самих грамматик не соблюдались сформулированные в них правила. Так, закономерность распределения *Н* и *НН*, одно из первых правил, сформулированных М. Смотрицким в разделе «Орфография» четко и однозначно (*НН* в имени, а *Н* в причастии), не соблюдается ни в «Ведомостях», ни в современных им деловых скорописных текстах. В обоих источниках отмечена сильная тенденция к формированию современной нормы, предполагающей употребление *Н* в кратких причастиях и *НН* в полных причастиях от глаголов совершенного вида, причем скоропись оказывается даже несколько прогрессивнее в этом отношении. Заметим, что именно в скорописи формируется оппозиция *Н–НН* в причастиях несовершенного вида в зависимости от наличия распространителя. Скорописный узус наследуют «Санктпетербургские ведомости» и «Московские ведомости».

Очень устойчиво употребление *НН* на стыке морфем, хотя грамматические сочинения не уделяют ему особого внимания, ограничиваясь общими рекомендациями о сохранении морфемного состава слова. Основная группа отыменных образований также отличается большой стабильностью орфографии, за исключением написаний отдельных прилагательных (*лосиный, серебряный, гостиный, масляный*), которые варьируются до середины 1850-х гг. в узусе, а в изданиях Академического словаря и на десятилетие позднее.

В разделе 4.4 освещено правописание сочетаний согласных в исходе презенса и инфинитива возвратных глаголов, современная норма орфографии которых устанавливается в ведомостях в первой трети XVIII столетия вопреки книжной норме (формы на *-тися*) и узусу деловой письменности (написания с

фонетическим исходом *-тца*), задолго до появления первых рекомендаций грамматистов.

При изначальном преимуществе традиционных вариантов, орфография возвратных глаголов в «Ведомостях» сначала подвергается сильному влиянию фонетических написаний, число которых к 1713 г. достигает максимума, в результате чего возрастает вариативность. Ситуация стабилизируется в 1719 г., когда в рассматриваемых формах закрепляется сочетание *-тся*, полностью вытесняя фонетическое *-тца*. Узус на полвека опережает появление первого правила, регламентирующего правописание возвратных глаголов, у Н.Г. Курганова: «Возвратные и страдательные глаголы весьма погрешно вмѣсто на СЯ оканчиваютъ на ЦА: знатца, битца, случитца и пр. вмѣсто знатся, бится и пр. понеже ни единъ глаголъ некончится на ЦА...»³⁷ Последующие сочинения кодифицируют данную орфограмму в общем правиле о сохранении правописания производных слов.

Также с опозданием на полвека относительно узуса нормализовал употребление *Ь* в инфинитиве Василий Светов в 1773 г., и в дальнейшем грамматисты на сей счет в полемику не вступали. Отметим, что Я.К. Грот относит написание *Ь* в словах типа *строиться* к случаям, когда эта буква используется «для замѣны мягкой гласной» в противовес ситуациям, в которых она только обозначает мягкость звука: *письмо, весьма, просьба, тоненькій*³⁸. Возможно, это отголоски старой книжной нормы, предполагавшей в инфинитиве *И* вместо *Ь*. Есть основания полагать, что именно книжная традиция, предполагавшая здесь написание *-тися* и произношение [i], мотивировала устойчивость употребления *Ь* в инфинитиве. Полагаем также, что именно эта традиция способствовала восстановлению финального *-ся* в исходе возвратных глаголов.

В разделе 4.5 описана орфография прилагательных с суффиксом <-sk->.

³⁷ Російская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословіе. Издано во градѣ Святаго Петра, 1769. – С. 99.

³⁸ Русское правописание. Руководство, составленное по порученію Второго отдѣленія Императорской Академіи наук академикомъ Я.К. Гротомъ. – СПб. : Типографія Императорской Академіи наукъ, 1885. – С. 53.

В «Ведомостях», как и в памятниках деловой письменности предшествующих столетий, прослеживаются две тенденции в орфографии этой группы прилагательных: первая – независимо от произношения сохранять на письме фонемный состав производящей основы и суффикса; вторая – отразить на письме реальное произношение. Если в прилагательных с мотивирующей основой на *Д/Т* (*шведскіхъ – швецкому – шведцкои*) и *С* (*Русскои – Рускіе*) тенденция к фонематическому отображению стыка морфем лишь намечается, то в словах с производящей основой на *З* (*французскіи*) это уже реализовавшаяся в большом числе написаний норма, допускающая лишь единичные исключения в ранних номерах. Показательно, что заметно преобладавший в вестях-курантах XVII в. вариант написания данных слов с меной в исходе производящей основы *З* на *Ж* (*французскій*), отмеченный также в деловых текстах XV–XVII вв. и в памятниках деловой и бытовой письменности начала XVIII столетия, в «Ведомостях» не встретился ни разу.

После значительных колебаний стремление к единообразному отражению морфем оказывается сильнее, и фонематическая орфография слов данной группы окончательно стабилизируется в конце XVIII в., несмотря на полное отсутствие их кодификации, первый опыт которой в грамматике Барсова 1783–1788 гг. относится как раз к этому времени.

Наиболее основательно сформулированы правила правописания слов с суффиксом <-sk-> в Академической грамматике 1802 г., которая рассматривает отдельно образования от основ на *Д/Т*, сохраняющие «свое словопроизводство» (воевода *воеводскій*), и основ на *К/Ч*, принимающие вместо них букву *Ц* (козакъ *козацкій*)³⁹. Последнее положение иллюстрирует написание *Великолуцкаго*, отмеченное в «Санктпетербургских ведомостях». Кроме того, грамматика предостерегает от употребления «*коллегскій*» вместо «*коллежскій*», поскольку «нѣкоторыя рѣченія иногда отъ словопроизведенія уклоняются». Последующие сочинения, даже позднейшие издания той же Академической грамматики 1809

³⁹ Россійская грамматика, сочиненная Императорскою Россійскою академіею. – СПб. : Печатано въ типографіи Императорской Россійской Академіи, 1802. – С. 27–28.

и 1819 гг., не выделяют данную орфограмму в особую статью, а кодифицируют в самом общем виде, в правиле о сохранении правописания производных слов.

В Заключении формулируются основные выводы в соответствии с задачами исследования.

Настоящее исследование показало, что письмо на всех этапах своего развития представляет собой особую систему, характеризующуюся чертами стабильности и вариативностью. Подвижные участки орфографии наиболее ярко демонстрируют сочетание элементов, унаследованных от древней традиции и отражающих основные тенденции, под действием которых формируется письмо. В борьбе определенных внешних и внутренних факторов осуществляется становление орфографии, не законченное до сих пор, поскольку правописная система, как любое языковое явление, постоянно развивается.

В результате нашего исследования выявлены основные тенденции развития подвижных элементов и прослежены пути оформления сложных орфограмм русского письма.

Полученные данные подтвердили, что русская орфография на всех этапах своего развития испытывала воздействие разных, порой взаимоисключающих факторов. Это и влияние живой речи, приводящее к возникновению фонетических написаний, и традиции книжного произношения или церковнославянской письменной нормы, определяющие написания традиционные. Однако очевидно, что в первую очередь правописание базировалось на фонематическом принципе (в понимании Московской фонологической школы), сохранявшем единообразие морфем на письме, и развивалось в направлении все более последовательного проведения этого принципа. При этом в сложных случаях стихийное орфографическое нормирование нередко шло вразрез с сознательной кодификаторской деятельностью или значительно опережало ее, а посему вплоть до конца XIX в. русская орфография развивалась преимущественно стихийно, в рамках правописного узуса, который вопреки общему мнению оказывался более императивным, чем рекомендации грамматических трактатов.

Основное содержание работы отражено в следующих **публикациях**:

Монография и статьи в ведущих рецензируемых научных журналах

1. *Каверина В.В.* Узуальная норма деловой письменности XVII века: орфография префиксов. – М. : МАКС-Пресс, 2004. – 80 с. [Опубликованная рецензия: *Осипов Б.И.* Каверина В.В. Узуальная норма деловой письменности XVII века: Орфография префиксов. М., 2004 // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 2005. – № 2. Март–апрель. – С. 153–156]
2. *Каверина В.В.* Орфография русских периодических изданий XVII-XIX вв. : правописание букв Ъ и Ь // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2005. – Вып. 3. Август. – С. 70–76.
3. *Каверина В.В.* Орфография русских периодических изданий XVII-XIX вв. : варьирование конечных согласных префиксов // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2005. – Вып. 4. Декабрь. – С. 58–67.
4. *Каверина В.В.* Орфографическое нормирование: рекомендации грамматик и практика письма // Русская словесность. – 2006. – № 4 – С. 73–78.
5. *Каверина В.В.* Роль грамматических сочинений XVII–XIX вв. в формировании норм русской орфографии // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 2006. – № 1. Январь–февраль. – С. 7–31.
6. *Каверина В.В.* Гласные О/Е после шипящих в русском письме XVIII века // Вестник Тамбовского государственного университета. Гуманитарные науки. 2008. – Вып. 7. (63). – С. 92–95.
7. *Каверина В.В.* Обозначение <и> после приставок на согласный: история и современность // Русская словесность. – 2008. – № 3. – С. 75–80.
8. *Каверина В.В.* Орфография сложных прилагательных: проблемы нормализации // Русский язык в школе. – 2008. – № 5. – С. 48–52.
9. *Каверина В.В.* Роль финальных Ъ и Ь в деловой письменности XVIII века // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2008. – № 8. – С. 203–218.

10. *Каверина В.В.* Устранение омофонии в истории русского письма // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 2008. – № 5. – С. 40–65.
11. *Каверина В.В., Леценко Е.В.* Буква «ять» как идеологема российского дискурса на рубеже XIX – XX вв. // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 3. – С. 117–124.

Статьи и сообщения в прочих изданиях

12. *Каверина В.В.* *Каверина В.В.* Грамматические сочинения XVII-XIX веков об орфографии префиксов. – М., 1997. – Деп. в ИНИОН РАН, № 53083.
13. *Каверина В.В.* Правописание префиксов в газетах XVII-XIX веков (на материале вестей-курантов, «Ведомостей» эпохи Петра I, «Санктпетербургских ведомостей» и «Московских ведомостей»). – М., 1997. – Деп. в ИНИОН РАН, № 53082.
14. *Каверина В.В.* Орфография префиксов в памятниках церковнославянской письменности // Международная конференция «Проблемы сравнительно-исторического языкознания в сопряжении с лингвистическим наследием Ф.Ф. Фортунатова» : Тезисы докладов. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова. 27–29 января 1998 г. – М. : Диалог-МГУ, 1998. – С. 39–42.
15. *Каверина В.В.* Особое место префикса <с-> в орфографической системе русских приставок (на материале вестей-курантов 1 половины XVII века) // Актуальные проблемы языкознания : Сб. работ молодых ученых филологического ф-та МГУ. Выпуск 2 / Под ред. М.Л. Ремневой. – М. : Изд-во МГУ, 1998. – С. 78–82.
16. *Каверина В.В.* Префиксы <с->, <со->, <су->: соотношение и взаимовлияние в истории русского языка // Семантика языковых единиц : Доклады VI Международной конференции. В двух томах. Том 1. – М. : Издательство «СпортАкадемПресс», 1998. – С. 315–317.
17. *Каверина В.В.* Узуальная норма деловой письменности 1 половины XVII века как этап становления современной орфографии приставок на <з> // Актуальные проблемы языкознания : Сб. работ молодых ученых филологического

ф-та МГУ. Выпуск 2 / Под ред. М.Л. Ремневой. – М. : Изд-во МГУ, 1998. – С. 69–77.

18. *Каверина В.В.* Варианты префиксов типа *об-обо, от-ото* в вестях-курантах XVII века // *Язык, сознание, коммуникация* : Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М. : Диалог-МГУ, 1999. – Вып. 10. – С. 23–34
19. *Каверина В.В.* Дублетные буквы в истории русского письма // *Язык, сознание, коммуникация* : Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М. : Диалог-МГУ, 1999. – Вып. 9. – С. 125–138.
20. *Каверина В.В.* Современная орфография приставок на <з> как результат закономерного развития языковой коммуникации // *Язык, сознание, коммуникация* : Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М. : Диалог-МГУ, 1999. – Вып. 7. – С. 100–114.
21. *Каверина В.В.* Прописные буквы в истории русской орфографии // *Древние языки в системе университетского образования: их исследование и преподавание* : Междунар. конф. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 26–28 января 2000 г.): Тез. докл. – М. : Диалог-МГУ, 2000. – С. 38–40.
22. *Каверина В.В.* Прописные буквы в истории русской орфографии // *Древние языки в системе университетского образования: их исследование и преподавание*. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2001. – С. 122–128.
23. *Каверина В.В.* Нерешенные вопросы современного русского правописания в связи с проектом «Свода правил русского правописания» // *Язык, сознание, коммуникация* : Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М. : Диалог-МГУ, 2001. – Вып. 20. – С. 5–11.
24. *Каверина В.В.* Реформирование русской орфографии: история и современность // *Русский язык: исторические судьбы и современность* : Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 13–16 марта 2001 г.) : Труды и материалы / Под общей редакцией М.Л. Ремневой и А.А. Поликарпова. – М. : Изд-во МГУ, 2001. – С. 303–304.

25. *Каверина В.В.* Вопросы орфографии в преподавании русского языка как иностранного // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М. : Диалог-МГУ, 2003. – Вып. 22. – С. 133–135.
26. *Каверина В.В.* Способы передачи <j> в истории русского языка: разделительные ъ и ь // Аванесовские чтения : Международная научная конференция: Москва, 14–15 февраля 2002 г. : Тезисы докладов / Под общей ред. М.Л. Ремневой и М.В. Шульги. – М. : МАКС Пресс, 2002. – С. 114–116.
27. *Каверина В.В.* Графико-орфографический аспект в курсе РКИ // Доклады Международной научно-практической конференции «Международное образование: итоги и перспективы», Москва, ЦМО МГУ, 22–24 ноября 2004 года. В трех томах. Том 1. – М. : Ред. Изд. Совет МОЦМГ, 2004. – С. 94–98.
28. *Каверина В.В.* Орфографическое нормирование в истории русского письма: XVII–XIX вв. // Научно-методический журнал ЛОГОПЕДИЯ. – 2004. – № 1(3). – С. 5–10.
29. *Каверина В.В.* Реализация принципов орфографии при обозначении <и> после предлогов и префиксов в истории русского письма // Русский язык: исторические судьбы и современность : Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 18–21 марта 2004 г.) : Труды и материалы / Составители М.Л. Ремнева, О.В. Дедова, А.А. Поликарпов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 52–53.
30. *Каверина В.В.* Русская орфография: история и современность // Доклады пленарных заседаний : Одиннадцатая Всероссийская научная конференция молодых исследователей «Шаг в будущее» с международным участием. – М. : РОО «НТА «АПФН», 2004. – С. 46–48.
31. *Каверина В.В.* Рецензия на кн. Григорьева Т.М. Русский язык: Орфоэпия. Графика. Орфография. История и современность. – М. : Академия, 2004. – 256 с. // Лингвистический ежегодник Сибири. – Красноярск, 2005. – Вып. 7. – С. 180–183.

32. *Каверина В.В.* Рецензия на кн. Григорьева Т.М. Три века русской орфографии (XVIII – XX вв.) – М. : Элпис, 2004. – 456 с. // Российский лингвистический ежегодник. – Красноярск, 2005. – Вып. 1(8). – С. 192–196.
33. *Каверина В.В.* Узус в истории развития орфографической нормы // Русский язык, литература и культура в школе и вузе. – Киев, 2005. – № 6. – С. 25–30.
34. *Каверина В.В.* Семантическая дифференциация алломорфов *sq- / *sʙ- в диахронии // «Функциональная семантика языка, семиотика знаковых систем и методы их изучения». I Новиковские чтения : Материалы Международной научной конференции (Москва, 5–6 апреля 2006 г.). – М. : Изд-во РУДН, 2006. – С. 173–178.
35. *Каверина В.В. Бондарева О.С.* Употребление буквы Ё в современном русском языке: вопросы орфографии и орфоэпии // Письменность славян: прошлое, настоящее, будущее : Доклады Международного научно-педагогического семинара. Gdańsk, Polska, 2–4 марта 2006 г. – Красноярск : ИЦ КрасГУ, 2006. – С. 35–53.
36. *Каверина В.В.* Префиксы <пре-> и <пере-> в вестях-курантах XVII века // Русский язык: исторические судьбы и современность : III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2007 г.) : Труды и материалы / Составители М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов. – М. : МАКС Пресс, 2007. – С. 56–57.
37. *Каверина В.В.* Становление норм русской орфографии: правописный узус и кодификация // Мир русского слова и русское слово в мире : Материалы XI Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Варна, 17–23 сентября 2007 г. Том 3. – София : HERON PRESS, 2007. – С. 93–97.
38. *Каверина В.В., Бондарева О.С.* Происхождение и употребление буквы Ё: проблемы орфографии и орфоэпии // Фонетика и письмо как непрерывно развивающиеся явления: Сборник научных трудов / Отв. ред. Б.И. Осипов. – Омск : Омск. гос. ун-т, 2007. – С. 29–41.

39. *Каверина В.В., Тузикова Е.С.* Обозначение <и> после приставок на согласный в словах с иноязычными корнями // Лингвистика и школа III : материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Л.Б. Парубченко. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. – С. 92–100.
40. *Каверина В.В.* Проблемы нормирования русской орфографии на современном этапе // Славянские языки и культуры в современном мире: Международный научный симпозиум (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 24–26 марта 2009 г.) : Труды и материалы / Составители О.В. Дедова, Л.М. Захаров; Под общим руководством М.Л. Ремневой. – М. : МАКС Пресс, 2009. – С. 156–157.
41. *Каверина В.В.* Орфографическое освоение заимствований в XVIII столетии (буква Ъ) // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2010 г.) : Труды и материалы / Составители М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 63–64.

Учебные пособия

42. *Каверина В.В.* Русская орфография I: Учебное пособие для учащихся подготовительных отделений высших учебных заведений. – М. : МАКС Пресс, 2004. – 64 с.
43. *Каверина В.В.* Русская орфография и пунктуация I: Учебное пособие для учащихся подготовительных отделений высших учебных заведений. – М. : МАКС Пресс, 2006. – 124 с.